

В нефритовую серьгу вселился призрак. Дзюэцу, Супруга Ворона, обладающая таинственными искусствами, была завербована, чтобы спасти его. — "Его Высочество..." — Каку Коу посмотрел на Кошуна, а затем снова на Дзюэцу. — "Ты сказала "призрак"? Только не говори мне, что это Сёсуи..." — Да. Его глаза наполнились болью, и он уставился на серьгу. — "...Значит, даже после смерти она все еще страдает", — прошептал Каку Коу, склоняясь к Дзюэцу. — "Ты сказала, что тебя завербовали, чтобы спасти призрака. Значит ли это, что ты — Супруг Ворона? Говорят, ты можешь использовать таинственные искусства". — Именно, — гордо кивнула Дзюэцу, но когда ее спросили: "Ты можешь спасти Сёсуи?", ее лицо омрачилось тревогой. — "...Я не знаю." — Ответила она честно. Каку Коу был явно обескуражен. — "Когда у нее больше не будет сожалений, она попадет в рай без моей помощи. Если ее сожаление об убийстве стало причиной того, что она стала призраком, она скоро сможет очистить свое имя — разве это не так?" Дзюэцу бросила взгляд на Кошуна в поисках подтверждения. Тот кивнул. — "Идет подготовка к поимке евнуха, который подставил и убил Хан-Удзё". Каку Коу издал звук, похожий на слабый крик и вздох одновременно. — "Значит, Сёсуи действительно невиновна? И она действительно была убита..."? Он опустился на пол, будто лишенный сил, его лицо искажилось от отчаяния. — "Почему? Почему Шусуи постигла такая участь?" — Другая сторона нацелилась на Супруга Волчицы. Хан-Удзё, который жил в одном дворце с ней, был самым удобным человеком, чтобы представить его в качестве преступника. Вот, пожалуй, и все. Это была причина? Каку Коу спрятал лицо в ладонях. Сделав несколько глубоких вдохов, чтобы сдерживать гнев, который бушевал в нем, Каку Коу поднял голову. Он выпрямился и посмотрел на Дзюэцу. — "Леди Консорт Ворона, у меня есть к вам просьба". — О чем? — Можешь ли ты позволить мне встретиться с призраком Сёсуи? — Каку Коу схватил Дзюэцу за рукав, словно цепляясь за нее. — "Пожалуйста, я прошу тебя". Дзюэцу колебалась, глядя в измученные глаза Каку Коу. Призрак был не той Сюсуи, которую он знал и любил, а жалкой фигурой, задушенной до смерти. Она не решалась показывать такую фигуру Каку Коу. — "Этот призрак — не та Сёсуи, которую ты знаешь и любишь. Это фигура призрака, в которой сплелись сожаление и плач". — Мне все равно, как она выглядит. Пока я вижу Сёсуи, это все, что имеет значение, — отчаянно сказал Каку Коу. Проникновение во внутренний дворец было тяжким преступлением. Он знал это, и поэтому отчаянно умолял ее. Последний взгляд. Дзюэцу почувствовала, как что-то болезненное разливается в груди. — "...Очень хорошо." Она осторожно протянула руку. Ее ладонь стала горячей, и на ней появились лепестки. Один за другим лепестки увеличивались и в конце концов превратились в пион. Пион наполнился слабым светом. Он медленно превратился в бледное пламя. Дзюэцу взяла руку Каку Коу и подняла нефритовую серьгу, которую он держал в руке. Затем она подула на мерцающее бледно-красное пламя. Пламя растворилось, как дым, и окутало нефритовую серьгу. За ней показалась фигура. Женщина в красном платье — Шоусуй. Как и во дворце Ямэй, ее лицо было пурпурным, а платок стягивал шею. Каку Коу задохнулся от ужаса, но даже при этом не отвел глаз. — "Сёсуи... Сёсуи..." Он протянул руку к призраку. Но его рука не могла коснуться ее. Шоусуи не смотрела на Каку Коу, а просто смотрела вверх. Голос Каку Коу не доходил до нее. Голова Каку Коу поникла. Он много раз пробормотал имя Шосуи. Хотя Шусуи вспомнила о своем бывшем суженом, коснувшись сережки, она задалась вопросом, остались ли у призрака какие-либо чувства к нему. Или это потому, что эта серьга была подарена Каку Коу, а той, которую она использовала на память, здесь не было? Однако у них не было времени искать во внутреннем дворце серьгу, которую она подарила кому-то другому. Дзюэцу нетерпеливо ломала голову над тем, как ей донести голос Каку Коу до Шоусуи, когда Кошун окликнул ее. — "Дзюсетсу." — Я чувствую себя странно, когда этот человек называет мое имя. Голос Кошуна был низким и мягким. Хотя его лицо не выражало никаких эмоций, его голос был нежным и теплым, как слабый луч солнца. Это потрясло Дзюэцу до глубины души. Подавив свое недовольство, от которого, казалось, мурашки побежали по груди, Дзюэцу повернулась к нему. — "...Что это?" — Вот, — Кошун достал что-то из своей груди. Дзюэцу рефлекторно протянула руку, но увидев, что ей положили в руку, расширила глаза. — "Что это значит?"

Кошун подарил ей нефритовую серьгу. Серьгу с большой каплей нефрита. — "Эта серьга..." Она была точно такой же, как серьга Сёсуи — нет, она была идентичной. Дзюсэцу держала обе серьги перед глазами и сравнивала их. Серьги с золотой филигранью и свисающим нефритом были в комплекте. — "Зачем тебе это?" Дзюсэцу была озадачена. Сёсуи отдал одну из серег Каку-Ку, а вторую — кому-то во внутреннем дворце. — Кому-то. — "Не говори мне..." — ...Это случилось, когда мне было десять лет. После похорон моей матери я встретил ее в саду. — Медленно, тихо, Кошун начал говорить. — "Я не знал, кто она, но она дала мне одну нефритовую серьгу. Мне показалось это странным, я спросил ее об этом, и она сказала мне, что отдала вторую серьгу кому-то дорогому для нее. Она сказала, что когда она надевает свою половинку, она чувствует, что связана с этим другим человеком. ...Я подумал, что для наложницы внутреннего дворца это довольно смело, но, скорее всего, она сказала это, чтобы отвлечь меня, так как я плакал". Я плакал, — легко согласился он. Дзюсэцу вспомнила слова Кошуна, сказанные ей ранее. "Я также бросил свою мать на произвол судьбы". Ей стало интересно, что за чувства были в его сердце, когда он плакал. — "...Я поступил с ней ужасно. Я попросил ее отдать мне ту сережку. Я завидовал ей, чей важный человек был жив, хотя она не могла его видеть, и я не мог этого вынести". Кошун говорил тихо, как вода, просачивающаяся сквозь камень. Его эмоции того времени, казалось, неуклонно проникали и в сердце Дзюсэцу. — "Она отдала мне свою серьгу. Она улыбалась. Она отдала ее мне не потому, что я наследный принц. Она утешала плачущего ребенка..." Кошун ненадолго замолчал. Его глаза дрогнули, и он моргнул. Он тихо вздохнул и заговорил снова. — "Я сразу же пожалел, что взял у нее серьгу, но я потерял возможность вернуть ее", — Кошун уставился на серьгу. — "Я хотел вернуть ее однажды". Так вот почему он так беспокоился о владелице серьги? Дзюсэцу наконец-то понял его сердце. — "Ты не можешь спасти ее? Эти слова действительно были истинными чувствами Кошуна. Дзюсэцу, с трепетом протянул Каку Коу тонкие, словно паутинки, серьги. Тот, словно зачарованный, смотрел на них, не отрывая взгляда, а затем, с величайшей осторожностью, принял их в свои руки. Прижал к груди, словно к живому сердцу. — Сёсуи... Каку Коу вздрогнул, поднимая голову. Призрак перед ним преобразался, словно под воздействием волшебства. Опухшее пурпурное лицо сменилось бледным, тонко очерченным. Душный платок, сжимавший шею, исчез, а растрепанная одежда превратилась в платье цвета молодой травы. Губы Шусуи мягко изогнулись в изящной улыбке. Каку Коу невольно шагнул навстречу, протягивая руку, чтобы коснуться ее щеки, но, конечно, его пальцы прошли сквозь нее. Однако глаза Шусуи сузились, как будто ее действительно коснулись. Она, в свою очередь, протянула тонкий белый палец, погладила Каку Коу по щеке, а затем, коснулась его губ. После, поднесла палец к своим губам и нежно поцеловала его. Из глаз Шусуи полились слезы, но на лице все еще играла улыбка, полная безграничного счастья. — Только ради этого. Фигура Шусуи задрожала, как дым, поблекла, распуталась, растворилась, словно фиолетовый туман, уходящий вдаль. Каку Коу протянул руку, но дым задержался на мгновение, словно не желая расставаться, обвил его пальцы, а затем окончательно исчез. — Для Шусуи возможность увидеть его хотя бы на короткое время стала утешением. Сердце Дзюсэцу сжалось, словно его сжимали в тисках. Каку Коу рухнул на пол, из него вырвались горькие рыдания, он прижал серьги к груди, словно к последнему напоминанию о любимой. Рыдания были единственным звуком в комнате, раскатываясь эхом. — Большое спасибо. Когда рыдания утихли, Каку Коу вытер лицо и поблагодарил Дзюсэцу. Затем, повернувшись к Кошуну, отправил ему глубокий поклон.